

УДК 821.161.1-3

ТРАДИЦИИ РОМАНА ВОСПИТАНИЯ В СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

© 2011 Т.Н. Токарева

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 15 ноября 2010 года

Аннотация: В статье рассмотрены особенности романов воспитания в русской литературе первой половины XX века; дан краткий обзор освоения теории жанра отечественным литературоведением.

Ключевые слова: роман воспитания, Просвещение, И.В.Гете, становление, жанровая форма.

Abstract: The article is devoted to the features of the novels of education in the Russian literature of the first half of the XXth century; a brief overview of the development of the genre of the novel of education in the domestic literary criticism was given.

Key words: novel of education, Enlightenment, J.W. Goethe, formation, genre form.

Роман воспитания — жанр достаточно распространенный. Литературоведением он традиционно рассматривается как разновидность романной формы, обладающей своими конститутивными признаками, собственным типом героя, устойчивыми сюжетными мотивами, определяющими структуру текста и т. д. В целом неплохо изучены вопросы происхождения жанра, его специфические особенности в различные эпохи. Возникший в литературе немецкого Просвещения, роман воспитания исходно был сосредоточен на проблемах психологического, нравственного и социального формирования личности. Родоначальником этой разновидности романа обоснованно считают И.В. Гете (1893–1896), его романы «Театральное призвание Вильгельма Мейстера» (незаконч., 1777–85), «Годы учения Вильгельма Мейстера» (1795–96), «Годы странствий Вильгельма Мейстера» (1821–29). В западноевропейском литературоведении рассмотрение этой жанровой формы имеет свою историю [1]. В отечественном литературоведении первый теоретический труд, посвященный исследованию жанра романа воспитания, принадлежит М.М. Бахтину, который создал собственную классификацию романов воспитания, положив в ее основу особенности освоения пространства и времени [2].

К первой группе он относит идиллический роман воспитания, который характеризуется единством места, преобладанием родового над индивидуальным (жизнь по завету отцов). Важнейшие события — любовь, брак, рождение детей, труд, смерть находятся в тесной связи с жизнью природы. Действие происходит в ограниченном пространстве родной земли. Автор показывает, как с изменением возраста героя меняется и его характер. Примером творческого использования традиции романа воспитания может служить автобиографическая трилогия Л.Н. Толстого «Детство» (1852), «Отрочество» (1854), «Юность» (1857).

Во второй разновидности романа воспитания, по М. Бахтину, происходит изображение жизни, как опыта, как школы, через которую должен пройти всякий человек. В результате он должен приобрести достоверное знание о жизни, о людях. Происходит столкновение героя с реалиями жизни, из которого и вытекают основные события романа. Примером такого произведения является «Обыкновенная история» (1847) А.И. Гончарова.

Роман-становление, относимый М.М. Бахтиным к третьей разновидности романа воспитания, характеризуется тем, что при изменении мира меняется и сам человек. Примером этой

разновидности служат романы Стендаля «Жизнь Анри Брюлара» (1835), «Красное и черное» (1831), Бальзака «Лилия в долине» (1835–1836), Флобера «Воспитание чувств» (1869).

Во всех разновидностях романа воспитания, по М. Бахтину, автор по отношению к герою выступает как «историк», хроникер его жизни. Автор знает о герое больше, чем он сам [2]. М.М. Бахтин, говоря о разновидностях романа, подчеркивает, что в романе воспитания впервые появляется хронотоп, имеющий огромное значение для всего дальнейшего развития романа.

В других своих работах М.М. Бахтин рассматривает проблематику романа воспитания. Ученый, сравнивая «роман испытания» и «роман воспитания», замечает, что первый исходит уже из готового человека, в то время как в романе воспитания показано становление человека. «Сам герой становится переменной величиной в формуле этого романа. Изменение самого героя приобретает сюжетное значение, а в связи с этим в корне переосмысливается и перестраивается весь сюжет романа. Время вносится вовнутрь человека, входит в самый образ его, существенно изменяя значение всех моментов его судьбы и жизни...» [3, 212], — так определяет М. Бахтин редкий тип романа, который называет романом становления. Разновидностью его ученый считает роман воспитания, заключая, что «в основу его положена определенная педагогическая идея, понятая более или менее широко. Здесь изображается педагогический процесс воспитания в собственном смысле слова» [2, 213].

«Педагогическая идея», отмеченная М. Бахтиным как одна из важных содержательных особенностей романа воспитания, заложена в природе романа и фиксируется едва ли не всеми теоретиками. Так, в обстоятельной монографии В.В. Кожина «Происхождение романа» (М., 1963) зафиксирована такая важная особенность героя романа воспитания как его незавершенность. Это герой становящийся, изменяющийся, воспитуемый жизнью. Важная романная особенность, по В.В. Кожину, рождена пристальным вниманием авторов к окружающей героев микросреде, влияние которой они испытывают и в которой происходит их становление и развитие. Результатом этого развития, по Кожину, является признание этих героев полезными членами общества [4].

Н.Т. Рымарь во «Введении в теорию романа» (Воронеж, 1989) утверждает, что роман воспитания представляет художественную организацию с повторяющимися эволюционирующими структурами воспитания и представления.

«Жанровая концепция фабулы в романе носит двойственно-противоречивый характер. Она сочетается в себе, с одной стороны, привязанность к определенным «романическим» формам понимания и оценки человека и основных ситуаций его жизни, начиная от сказочно-мифологических... и кончая такими традиционными для романа сюжетами, как история любви, история молодого человека, пикарескный сюжет, сюжет романа воспитания, сюжет «романа карьеры» [5, 23]. С другой стороны, Н.Т. Рымарь рассматривает эти сюжеты как схемы коллективного сознания, не воспроизводящиеся, как в эпосе, а каждый раз как заново рождающиеся в ходе свободного развития, развертывания вымышленного героя, созданного фантазией автора.

В конце XX столетия роман воспитания стал предметом специального рассмотрения для целого ряда исследователей. Как правило, это был немецкий вариант романной формы.

Монографическому рассмотрению романа воспитания в литературе Германии середины XVIII века посвящена работа ученицы М.М. Бахтина А. Дialeктовой «Воспитательный роман в немецкой литературе эпохи Просвещения» (Саранск, 1972). Оговорившись, что точно определить роман воспитания невозможно, так как он находится в процессе постоянного развития и изменения, исследовательница тем не менее считает, что под романом воспитания следует понимать произведение, доминантой сюжета которого является процесс воспитания героя, для которого жизнь становится своеобразной школой. Она выделяет систему признаков, характеризующих специфику романа воспитания: развитие героя, раскрывающееся в столкновениях с внешним миром, изображение столкновения главного героя с детством до физической и духовной зрелости; стремление героя к идеалу, гармонически сочетающему физическое и духовное совершенство; движение героя от крайнего индивидуализма к обществу и др. [6, 7].

Работы других исследователей расширяют исследовательское поле, вводя новые имена, обращаясь к разным эпохам в развитии жанровой формы. Л.Д. Березина рассматривает роман воспитания «Агатон» (1766) немецкого просветителя К.М. Виланда (1733–1813) как первый роман воспитания в Германии. Виланд, по мнению Березиной, представляет духовную эволюцию Агатона, который в конце произведения предстает перед нами отнюдь не святым, но вполне зрелым, умудренным жизнью человеком [7, 12].

По мнению литературоведа В.Н. Пашигорева, роман воспитания «по структуре представляет произведение о воспитании личности и одновременно стереотипное художественное

образование» [8]. В.Н. Пашигорев считает, что второстепенные персонажи романа воспитания группируются вокруг главного героя и выступают в роли своеобразных катализаторов его воспитательного процесса. В исследовании подчеркивается роль наставников, учителей жизни, способствующих духовному развитию героя. Проанализировав «Годы учения Вильгельма Мейстера» И.В. Гете, «Зеленый Генрих» Г. Келлера, Н.П. Пашигорев утверждает, что немецкий роман воспитания показывает историю создания личности изнутри, путь ее постепенного оформления и становления на протяжении сравнительно большого отрезка времени и пространства – от юных лет героя до наступления духовной и физической зрелости.

На рубеже XX–XXI веков интерес к теоретическим проблемам романа воспитания возобновился в связи с попытками рассмотрения русского варианта этой жанровой формы. Е.А. Краснощекова в книге «Роман воспитания Bildungsroman на русской почве» [9] рассматривает русскую романистику XIX века в связи с западноевропейской традицией романа воспитания, выходя за рамки литературы немецкого Просвещения. Связь с западноевропейской традицией в исследовании сказывается даже в использовании термина Bildungsroman, ранее оспоренного отечественными учеными. Так, В. Пашигорев в цитированной работе отметил, что перевод на русский язык немецкого термина «Bildungsroman» как «воспитательный роман» является неадекватным и должен быть заменен на «роман воспитания» с учетом семантики прилагательного «воспитательный роман». Литературоведение интересуется в данном случае педагогический аспект термина.

Е.А. Краснощекова обнаруживает четкие признаки вышеупомянутого европейского жанра у главных отечественных романистов – Карамзина, Пушкина, Гончарова, Толстого, Достоевского. Она считает, что «моноцентричность – основной признак этой разновидности романа. В центральном персонаже воплощается вся сумма идей, его энергия движет сюжет; наконец, именно в герое заключена сама тайна обаяния всего создания. Герой романа сосредотачивает в себе, так сказать, дух, смысл и внутреннее содержание всего происходящего вокруг него, он выражает частное и единичное в обобщенной форме, позволяет нам глубже постичь значение всего...» [9, 14].

Система образов подобного романа, по Е. Краснощековой, казалось бы, обречена на ограниченный набор персонажей второго ряда, что и обнаруживает исследователь, к примеру, в «Обыкновенной истории». Е. Краснощекова

считает непревзойденным образцом романа воспитания «Вильгельма Мейстера» Гете, говоря о его способе изображения как о «недоступном даже лучшим представителям европейского реализма, как бы ни превосходили они Гете в других отношениях» [9, 17].

«Роман Гете густо населен, «в этой галерее ни один человек не походит на другого, и без всяких комментариев совершенно непринужденно возникает целая иерархия человеческого достоинства в зависимости от степени приближения личности к гуманистическому идеалу.

При всей самостоятельности действующих лиц все они тяготеют к центру, к герою. Их художественная жизнь существует для полного раскрытия характера героя» [9, 15]. Композиция Bildungsroman'a, по Е.А. Краснощековой, определяется стадийностью в представлении тернистой «дороги жизни» героя.

Несмотря на неразработанность теоретических оснований романа воспитания в России первой половины XX века, «педагогическая идея», отмеченная М. Бахтиным как одна из важных содержательных особенностей романа воспитания, переживала в это время свой расцвет. Как правило, это были повести и циклы произведений. Достаточно напомнить трилогию М. Горького («Детство», «В людях», «Мои университеты»), повести А. Гайдара («Школа», «Судьба барабанщика»), Л. Кассиля («Конduit», «Швамбрания»), тетралогия В. Катаева «Волны Черного моря» и многие другие произведения. Романы о формировании мировоззренческой позиции героя создавали и писатели, эмигрировавшие из России после революции, и советские писатели, оставшиеся на Родине. Одних на это толкала ностальгия, других – задача создания «нового человека», соответствующего революционной эпохе. Последняя явилась основанием для рождения литературы, обращенной к детям, и в детской литературе советского времени роман воспитания, можно сказать, обрел новую жизнь.

Следует иметь в виду, что в литературе социалистического реализма проблемы социальной педагогики имели чрезвычайное распространение, т. к. демонстрировали советскому читателю всю важность воспитания нового типа личности в условиях строительства новой жизни. Поэтому проблематика и цели детской литературы оказываются в русле магистрального развития советской литературы и в зоне пристального внимания ее идеологов. Поэтому не удивительно, что многие постулаты развития детской литературы первой половины XX века совпали с теми, которые характеризуют метод социалистического реализма в целом.

Конечно, время создания произведений корректирует их содержание, прежде всего в идеологическом плане. Однако жанр даже в этих условиях сохраняет собственные доминанты. М.М. Бахтин определяет роман как «многостильное, разноречевое, разноголосое явление» [3, 75], сохраняющее, тем не менее, композиционно-стилистическое единство. Советский роман воспитания первой половины XX века, решающий совершенно конкретные идеологические задачи, может быть рассмотрен в рамках той классификации, которую М.М. Бахтин использует для традиционного романа. Она касается прежде всего способов организации текста:

1) прямое авторское литературно-художественное повествование (во всех многообразных разновидностях);

2) стилизация различных форм устного бытового повествования (сказ);

3) стилизация различных форм полулитературного (письменного) бытового повествования (письма, дневники и т. п.);

4) различные формы литературной, но внехудожественной авторской речи (моральные, философские, научные рассуждения, прямые публицистические наизидания и т. д.);

5) стилистически индивидуализированные речи героев.

При определении конститутивных особенностей произведений детской литературы советского времени следует иметь в виду мысль М. Бахтина, что роман воспитания является детищем и продуктом переходных и переломных эпох, когда меняются устои мира и человеку приходится меняться вместе с ним. Осознанная советской литературой как первоочередная задача создания нового человека отвечает характеру переходной эпохи, но с одной существенной поправкой. В теорию романа воспитания социалистической эпохи органически вошла мысль об универсальном характере тех процессов, которые переживали национальные литературы, захваченные общим революционным процессом. Так, В.В. Пашигорев в уже упоминавшейся работе «Роман воспитания в немецкой литературе XIX–XX веков», принимая во внимание тот факт, что функции романов воспитания различны для каждой страны, тем не менее отмечает, что всякий роман воспитания занимается производством «социокультурной» идентичности. Говоря о немецкой литературе, он отмечает следующие особенности немецкого романа воспитания.

1). Это роман о становлении личности и сознания героя в многоплановости и сложности;

2). Для него характерен тип сюжета с одним героем. Остальные персонажи выполняют кон-

структивную либо деконструктивную функцию в его воспитании и формировании;

3). Для композиции западного романа воспитания характерны: моноцентризм, ступенчатость, поэтапность.

4). Основной идеей немецкого романа воспитания является рождение и становление динамической личности;

5). Биографизм повествования [5, 29].

Отмеченные исследователем особенности немецкого романа легко обнаруживаются и в советской литературе. Для примера обратимся к знаковому произведению советского романа воспитания – «Педагогической поэме» А.С. Макаренко. Для нее характерно наличие отдельных глав-эпизодов, часто не связанных между собой лично значимым сюжетом, изображающим проблемы и конфликтные ситуации в жизни коллектива. Эти конфликты и складываются в сюжет, отмечающий решающие вехи в развитии коллектива единомышленников. Таким образом, под развитием и становлением личности следует понимать прежде всего этапы духовной эволюции членов показанного коллектива, который по сути дела и является коллективным главным героем. В

динамике коллективного развития формируется новая растущая личность, новый человек.

Зафиксированный В.В. Пашигоревым биографизм романа воспитания в «Педагогической поэме» А. Макаренко тоже присутствует и играет важную роль, мифологизируя личность воспитателя. Предметом мифологизации в данном случае является не жизненный путь, традиционно понимаемый как биографическое повествование о себе, а мировоззрение и мироощущение писателя в непрерывном процессе творчества. А. Макаренко стремится стереть границы между литературой и бытовой жизнью, поэтому его образ в биографических произведениях следует воспринимать предельно типизированным, в котором соединяется реальность биографическая и вымышленность литературная, базирующаяся прежде всего на отборе тех личностных черт, какие могут стать основанием для создания личности воспитанника. Таким образом, обращение к «педагогической идее», для литературы 1920–1930-х годов ставшей магистральной, позволяет увидеть становление одной из жанровых стратегий советской литературы в русле традиции европейского романа воспитания.

ЛИТЕРАТУРА

1. См.: Бахтин М. Роман воспитания и его значение в истории реализма / М.М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. – М. : 1979. –

Т.Н. Токарева

С. 188-236; Краснощекова Е. Роман воспитания – Bildungsroman – на русской почве: Карамзин. Пушкин. Гончаров. Толстой. Достоевский / Е. Краснощекова. – СПб. : Пушкинский фонд, 2008. – С. 480.

2. Бахтин М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979. – С. 188-236.

3. Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики / М.М. Бахтин. – М. : Художественная литература, 1975.

4. Кожин В. Происхождение романа / В. В.Кожин. – М.: Советский писатель, 1963. – 325 с.

5. Цит. по: Пашигорев В.Н. Роман воспитания в немецкой литературе XVIII-XX веков. Генезис и эволюция. Диссертация / В.Н.Пашигорев. – Ростов н /Д, 2005.

6. Пашигорев В.Н. Роман воспитания в немецкой литературе XVIII – XX веков / В.Н. Пашигорев. – Саратов: Саратовский университет, 1993.

7. Цит. по : Мельникова Е.И. Роман Э.Т.Гофмана Житейские воззрения кота Мура в контексте немецкого романа воспитания XVIII. Диссертация / Е.И.Мельникова. – Калининград, 2003.

8. Пашигорев В.Н. Роман воспитания в немецкой литературе XVIII – XX веков / В.Н.Пашигорев. – Саратов: Саратовский университет, 1993. – 133 с.

9. Краснощекова Е.А. Роман воспитания – Bildungsroman – на русской почве: Карамзин. Пушкин. Гончаров. Толстой. Достоевский – СПб.: Пушкинский фонд, 2008. – 480 с.

*Токарева Т.Н.
Воронежский государственный университет.
Соискатель кафедры русской литературы XX в.
e-mail: ttreply@rambler.ru.*

*Tokareva T.N.
Voronezh State University
Applicant of Department of the Russian literature of the
XXth century.*